

Особенности адаптации и сопровождения различных по составу семей белорусских усыновителей

Ю. Ф. Лахвич

Окончание. Начало — в № 11 за 2018 год

Традиционно неполные семьи считались семьями с повышенным риском неблагополучия. Причём это касается не только семей усыновителей, но и биологических семей. Вместе с тем, учитывая масштаб проблемы сиротства в современном мире и потребность многих детей в замещающих семьях, специалисты сходятся во мнении, что усыновление ребёнка одинокой женщиной или одиноким мужчиной значительно лучше, чем его дальнейшее институциональное воспитание или временное устройство в приёмную семью. Неполная семья также может отвечать интересам ребёнка, так как даёт ему возможность получить постоянную любовь и принятие близкого человека. Более того, по данным зарубежных коллег, потенциал неполных семей отчасти недооценён. У них есть определённые преимущества, в особенности в случае усыновления «сложных для устройства» детей, отвечающих как минимум одной из нижеперечисленных характеристик: возраст старше 3—4 лет, опыт насилия, длительное институциональное пребывание, выраженные физические, умственные, эмоциональные, поведенческие проблемы [1—3].

Однако существуют специфические проблемы и риски в процессе адаптации женщины и ребёнка в неполных семьях усыновителей.

В частности, исследование показало, что усыновительницы из неполных семей значимо чаще отмечают *перепады в эмоциональном состоянии после усыновления*. Среди одиноких усыновительниц существенно больше тех, чьё эмоциональное состояние после усыновления «изменялось

вначале в лучшую, затем в худшую сторону» ($\varphi = 1,96$; $p = 0,025$). Это может говорить о большей уязвимости одиноких женщин перед первоначальными трудностями воспитания усыновлённого ребёнка. При отсутствии поддержки супруга женщина чаще подвержена перепадам настроения. Эти результаты согласуются с данными лонгитюдного исследования J. Shireman, а также с уже отмеченной выше тенденцией большей сложности в переживании

одинокими женщинами первичного этапа адаптации [3]. Исходя из этого, для неполных семей особенно важны поддержка усыновления и принятие усыновлённого ребёнка со стороны прародителей, что подтверждается результатами зарубежных исследований [2; 4].

По данным нашего исследования, матери из неполных семей как на момент усыновления, так и на момент опроса характеризуются *большой степенью неудовлетворённости опытом усыновления в целом* ($v = 0,251$; $p = 0,006$ и $v = 0,209$; $p = 0,045$ соответственно). Помимо этого, для женщин, относящихся к семье данного типа на момент опроса, *характерно признание высокой частоты конфликтов в их семьях* ($v = 0,216$; $p = 0,007$).

Выявлены также некоторые интересные особенности, отражающие специфику восприятия женщинами из неполных семей усыновителей своей семьи в целом и условий своего благополучия в ней. Так, женщины, относящиеся к материнскому типу семьи на момент усыновления, признают, что «семья — это хорошо, но каждому необходимы друзья и интересы» ($v = 0,177$; $p = 0,005$). Эти женщины также считают, что «у человека есть, помимо семьи, много дел, требующих от него сил и времени» ($v = 0,164$; $p = 0,009$).

Судя по данным результатам, самостоятельное воспитание усыновлённого ребёнка, вероятно, сопряжено с большей потребностью женщины во временном выходе за пределы семьи. Речь идёт о ценности самореализации, самовыражения в отдельной от семьи сфере, занятия любимым делом, о получении возможности не только детско-родительского, но и дружеского общения.

Тревожный момент, который был обнаружен в отношении рассматриваемой категории семей усыновителей, — это *характер эмоционального отношения матерей к усыновлённым детям в неполных семьях*. Для материнских семей в сравнении с полными семьями усыновителей характерна более высокая интенсивность как позитивных (доверие, принятие), так и негативных (тревога, обида) чувств к ребёнку

Юлия Фёдоровна Лахвич,
кандидат психологических наук, доцент,
доцент кафедры психологии факультета
философии и социальных наук
Белорусского государственного университета

($v = 0,135$; $p = 0,030$; $v = 0,217$; $p = 0,002$; $v = 0,129$; $p = 0,039$; $v = 0,261$; $p = 0,000$). Следовательно, в неполных семьях матери существенно чаще испытывают амбивалентные чувства к ребёнку, что может косвенно свидетельствовать о высоком уровне стресса, который испытывают одинокие усыновительницы.

Кроме того, исследование показало, что, *по оценкам матерей из неполных семей, для их детей более характерны проблемы в эмоциональной и поведенческой сферах*: у них чаще наблюдаются страхи ($p = 0,011$), патологические привычки ($p = 0,007$) и поведенческие нарушения ($p = 0,022$). Стоит при этом заметить, что большая фиксация незамужними усыновительницами эмоциональных проблем у ребёнка также отмечалась и в зарубежных исследованиях, чего нельзя сказать о более выраженных поведенческих проблемах [4]. В исследовании V. Groze и J. Rosenthal, по оценкам матерей, было выявлено даже меньшее количество поведенческих проблем у детей в неполных семьях [2]. Не исключено, что рассогласования в данных могут говорить о социокультурных разли-

чиях в восприятті матерями проблемності ребінка, а можливо, і в степені батьківської критичності по відношенню до нього.

Многі відмічені вище специфічні складності в неповних сім'ях усиновителів можуть пояснюватися тим, що в них частіше, ніж в повні сім'ї, потрапляють діти більш старшого віку. Вже чим старше ребінок на момент усиновлення, тим більш він травмірований до часу усиновлення внаслідок небагатоприятного досвіду. Неудивително, що неповні сім'ї в середньому стикаються з більшими складностями в своєму родителстві.

Вразі з тим проведено дослідження дозволило виявити і деякі **ресурси** адаптації в **неповних сім'ях**, а також їх **преимуществва** по порівнянню з повними.

В частині, в таких сім'ях проявляється *більше співробітництво матері з ребінком* ($U_{\text{эмп}} = 161,5; p = 0,04$). При цьому в біологічних сім'ях аналогічних відмінностей не виявлено. Це дозволяє передбачати, що самостійне виховання усиновленого ребінка відрізняється від самостійного виховання біологічного ребінка по характеру дитячо-батьківських відносин. Причём відрізняється в кращу сторону. Даний результат згодиться з мнением А. Kadushin о тому, що неповна сім'я усиновителів — це найменше проблемний тип неповних сімей в цілому [5].

Ще одна сильна сторона неповних сімей усиновителів зв'язана з *совладаючим до стресу поведінням матерів*. Дослідження показало, що жінки, які без підтримки чоловіка виховують усиновленого ребінка, відрізняються від тих, які в шлюбі усиновительниць *більшою готовністю до самостійному і планованому вирішенню виникаючих проблем*. В частині, серед усиновительниць з неповних сімей більш виражена стратегія совладання «Планування рішення проблеми» ($U_{\text{эмп}} = 128,5; p = 0,028$). Вони більш націлені на аналіз проблемної ситуації і на її плановане рішення, ніж жінки, розділяючі

Жінки, які без підтримки чоловіка виховують усиновленого ребінка, відрізняються від тих, які в шлюбі усиновительниць більш готові до самостійному і планованому вирішенню виникаючих проблем.

виховані функції з чоловіком. Дана особливість цілком пояснима, якщо урахувати, що в материнській сім'ї жінка може рахувати тільки на себе, в той час як в повній сім'ї вона може покладатися і на чоловіка. Представлений результат згодиться з даними J. Shireman о тому, що незамужні усиновительниці демонструють дивовижну стійкість в подоленні багатьох, в тому числі і додаткових, стресових завдань родителства [3].

Виникає питання, чи є ця тенденція специфічною саме для жінок в сім'ях усиновителів чи вона скоріше свідчить про вплив типу сім'ї на вибір жінкою стратегії совладання? Аналогічний порівняльний аналіз стратегій совладання жінок в повних і неповних, але вже біологічних сім'ях дав в певній ступені несподівані результати. Була виявлена протилежна сім'ям усиновителів тенденція: жінки з повних біологічних сімей виявилися більш орієнтовані на використання стратегії «Планування рішення проблеми» по порівнянню з жінками з материнських біологічних сімей ($U_{\text{эмп}} = 131,5; p = 0,051$). Отримується, що жінкам в біологічних сім'ях властива зворотна по порівнянню з усиновительницями тенденція: вони більш орієнтовані на плановане рішення проблем в тому випадку, якщо виховують ребінка спільно з чоловіком, а не в самотності.

Дальніший порівняльний аналіз соволадоючого поведіння жінок з материнських сімей усиновителів і біологічних сімей підтвердив вказану вище тенденцію. Оказалося, що жінки з материнських біологічних сімей менше готові до самостійному і планованому

му решению проблем в отличие от усыновительниц, самостоятельно воспитывающих некровного ребёнка ($U_{эмп} = 23; p = 0,008$).

Одно из возможных объяснений этой особенности состоит в следующем. Самостоятельное воспитание биологического ребёнка — это не то же самое, что самостоятельное воспитание усыновлённого ребёнка. Усыновление ребёнка женщиной вне брака и/или без поддержки супруга — всегда её произвольный выбор, к которому она планомерно и целенаправленно идёт, в то время как рождение ребёнка вне брака в ряде случаев не является осознанным выбором женщины. Данный результат исследования вновь подтверждает уже высказанное мнение о том, что неполная семья усыновителей — это наилучшая разновидность неполных семей в целом.

Подведём итоги и предложим некоторые направления в сопровождении полных и неполных семей усыновителей, исходя из обозначенных особенностей, характерных сложностей и проблем в процессе их адаптации.

Полные семьи являются в целом более ресурсными в аспекте первичной адаптации к усыновлению, особенно при усыновлении маленького ребёнка, когда вопрос тайны усыновления ещё не стоит остро. Соответственно, подбирая семью для ребёнка раннего возраста, специалисты по усыновлению могут отдать предпочтение полным семьям при прочих равных условиях. При отсутствии иных рисков сопровождение полной семьи усыновителей может иметь дистанционный характер и осуществляться по их запросу.

Однако даже если первичная адаптация проходит успешно и бесппроблемно, существует риск «замораживания» вторичной адаптации семьи к усыновлению, что в дальнейшем может привести семью к болезненным кризисам, особенно в период подросткового возраста усыновлённого ребёнка. В таких случаях к специалистам обращается семья, достаточно давно усыновившая ребёнка, но ощутившая проблему

только тогда, когда ребёнок повзрослел и вступил в подростковый возраст (как правило, не ранее 10 лет). Из года в год такие родители откладывали разговор с ребёнком о его прошлом или уверяли себя, что ему (ей) это неинтересно. Когда же наступил момент для откровенной беседы, им стало ещё сложнее из-за накопившихся недомолвок. В связи с этим очень важно, чтобы специалисты не только изначально (ещё до усыновления) ориентировали усыновителей на необходимость постепенного и соответствующего возрасту ребёнка рассказа о его появлении в семье, но и потом (уже после усыновления) осуществляли деликатный мониторинг данной проблемы. Крайний возраст, когда ребёнок может (и должен) безболезненно получить достаточную первичную информацию о своём усыновлении, — 5—6 лет. Ситуация, когда семья и далее не спешит с разговором об усыновлении, утаивает или искажает подлинную историю ребёнка, — сигнал для специалистов о необходимости активизировать сопровождение. Это предполагает проведение психологического просвещения по вопросам тайны усыновления, включение семьи в группы поддержки более опытных усыновителей.

Исходя из результатов нашего исследования, а также данных зарубежных специалистов, **неполная семья** для ребёнка-сироты — не только возможная, но и оправданная форма семейного устройства, обладающая достаточным потенциалом для преодоления стрессов родительства. В некоторых случаях, когда речь идёт о сильно депривированных и травмированных детях, неполная семья может быть даже

Крайний возраст, когда ребёнок может (и должен) безболезненно получить достаточную первичную информацию о своём усыновлении, — 5—6 лет. Ситуация, когда семья и далее не спешит с разговором об усыновлении, утаивает или искажает подлинную историю ребёнка, — сигнал для специалистов о необходимости активизировать сопровождение.

более предпочтительна. Например, в случае усыновления детей старшего возраста, имеющих дополнительные эмоциональные и поведенческие проблемы, в ситуациях, когда ребёнок подвергался насилию, в том числе сексуальному, со стороны биологического родителя или иного лица, противоположного с усыновителем пола.

Вместе с тем ресурсы неполной семьи должны быть тщательно изучены, и в первую очередь — с точки зрения наличия у усыновителя (чаще — усыновительницы) стабильных, глубоких, эмоционально ресурсных социальных связей. Для неполных семей особенно значима поддержка на этапе первичной адаптации к усыновлению, когда родитель впервые ощущает всю сложность воспитания усыновлённого ребёнка, но не может разделить свои функции с супругом. Следует учитывать и роль прародителей в успешном функционировании неполной семьи, их отношение к вопросу усыновления. Одной из основных задач сопровождения неполных семей усыновителей является предупреждение дисфункциональных симбиотических отношений с ребёнком, решения за его счёт психологических проблем взрослого.

Особое внимание необходимо уделить подбору ребёнка для усыновления одно-

кой женщиной: приём в семью мальчика усиливает риск симбиоза, девочки — создаёт угрозу ретрансляции моделей поведения, препятствующих в дальнейшем созданию женщиной полноценной семьи (с точки зрения её состава). Необходимо учитывать данные риски и целенаправленно минимизировать их в процессе сопровождения первичной и вторичной адаптации в неполной семье. Естественная и даже целебная для ребёнка на первых порах концентрация внимания матери на нём и его потребностях не должна закрепляться в качестве ведущей модели поведения женщины. Важно, чтобы в её психологическом пространстве оставалось место и для иных отношений, интересов, целей. Целесообразно не только и не столько включение усыновительницы в родительское сообщество, сколько предложение ей ресурсов саморазвития, не связанных с родительством. Вместе с тем поддержка других замещающих родителей, участие в работе групп поддержки усыновителей, клубов приёмных родителей могут быть полезны для одиноких родителей, особенно на этапе первичной адаптации, когда ещё не сформировались механизмы устойчивости семьи перед лицом общественных стереотипов.

Список цитированных источников

1. *Groze, V. Adoption and Single Parents / V. Groze // Child Welfare. — 1991. — Vol. LXX. — № 3. — P. 321—329.*
2. *Groze, V. Single Parents and Their Adopted Children: A Psychosocial Analysis / V. Groze, J. Rosenthal // Families in Society: The Journal of Contemporary Human Services. — 1991. — Vol. 72. — February. — P. 67—77.*
3. *Shireman, J. Single Parent Adoptive Homes / J. Shireman // Children and Youth Services Review. — 1996. — Vol. 18. — № 1-2. — P. 23—36.*
4. *Feigelman, W. Single Parent Adoptions / W. Feigelman, A. Silverman // Social Casework. — 1977. — July. — P. 418—425.*
5. *Kadushin, A. Single-Parent Adoptions: an Overview and Some Relevant Research / A. Kadushin // Social Service Review. — 1970. — Vol. 44. — № 3. — P. 263—274.*